

Эдвард Радзинский

Чуть-чуть о женщине

Часть сборника
Пьесы

Эдвард Радзинский

Чуть-чуть о женщине

«АСТ»

1968

Радзинский Э. С.

Чуть-чуть о женщине / Э. С. Радзинский — «АСТ», 1968

ISBN 978-5-457-20784-4

Пьеса «Чуть-чуть о женщине» была написана Эдвардом Радзинским в 1968 году специально для Татьяны Дорониной и продолжила общую тематику пьес о любви и ее поиске.

ISBN 978-5-457-20784-4

© Радзинский Э. С., 1968

© АСТ, 1968

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Эдвард Радзинский

Чуть-чуть о женщине

Часть первая

Голоса в затемнении.

Женский. Мама... мама...

Мужской. Катастрофа... катастрофа...

Женский. Мама... мама... катастрофа... Катастрофа... Мужской. Прекрасно... прекрасно... мама... мама... Третий голос. Это дикторы радио разминают голоса перед выходом в эфир.

Команда. Выход в эфир.

Мужской... передаем последние известия... Женский... вести с полей.

Мужской... тысяч тракторов выехали сегодня на поля.

Звук радио выключается. Освещается купе поезда. Это спальный вагон на двоих. В купе входит Женщина и выключает радио. Она стоит посреди купе и молча смотрит перед собой.

Она (в зал). И долго вы будете меня разглядывать?... Ну, женщина, руки, ноги. *(Со сдержанной яростью.)* Вот вы такая милая, молодая. Вам бы в парке с любимым юношей целоваться... А вы, почтенный отец семейства, весь в помыслах о завтрашнем футболе. Вам бы храповецкого сейчас, а вы здесь подыхаете с тоски по повелению супруги. *(Усмехнулась.)* А совсем неплохо было так начать... а уж потом им прочесть лекцию о морском дне... Я привыкаю разговаривать вслух. *(Включила радио)*

Мужской... Два – один. С таким счетом динамовцы Москвы на своем поле нанесли сегодня поражение столичному «Торпедо».

Женщина садится и молча слушает радио.

Женский. По родной стране. Сегодня в посольстве Швеции состоялось вручение премии Нордстона за исследования в области...

Радиодиктор поезда (прерывая передачу). Граждане пассажиры, до отправления нашего поезда остается три минуты. Просьба к провожающим выйти из вагона, а отъезжающим занять свои места.

Женщина. Они заняли.

Радиодиктор. Граждане провожающие, не забудьте передать билеты отъезжающим.

Женщина. Они не забыли.

Женский голос по радио *(продолжает читать последние известия)*. В заключение был устроен обед в честь нового лауреата.

Мужской. Погода.

Женский. Тепло и сухо было сегодня на Черноморском побережье Кавказа, в Крыму...

Женщина выключила радио. Дверь купе открывается, и входит Пассажир Это человек лет тридцати.

Пассажир Можно?

Женщина. Что поделаешь...

Молчание.

Пассажир. Чуть не опоздал. Не беспокойтесь, я уже попросил проводницу, меня переведут в мужское купе.

Она. Спасибо.

Молчание.

Пассажир Курите?

Она. Сейчас не хочу.

Пассажир. А я, пожалуй, пойду подымить... Или нет, потом пойду. (*Засмеялся.*) Нерешителен в мелочах.

Она (*насмешливо*). Вероятно, в крупном...

Пассажир. В крупном тоже нерешителен. (*Включил радио*)

Радиодиктор поезда. Граждане пассажиры, в нашем поезде имеется вагон-ресторан. Он расположен в шестом вагоне...

Женщина сделала рукой движение, обозначающее просьбу выключить радио. Пассажир понял, кивнул, выключил.

Пассажир Вы жили в этом городе?

Она. Почему?

Пассажир. Когда приезжаешь в город, где жил прежде, всегда много надежд. Поиски пошлого. Надеешься встретить кого-то... Надеешься... Но все оказывается не так, и оттого уезжаешь вот в таком дурном настроении.

Она. У меня просьба. Устройтесь побыстрее. Я устала. Я хочу спать.

Пассажир. Вы счастливая. Я плохо сплю в поездах.

Она. Я тоже. Но я надеюсь...

Пассажир. А я жил в этом городе. Мы с вами даже учились в одном университете и даже жили в одном общежитии...

Она. Я вас не помню.

Пассажир. Я так и думал. Я всегда был незаметным... Хотел быть заметным, но не сложилось. Однажды я стоял в коридоре и дымил, а вы проходили мимо. Вы спросили у меня пробочник открыть шампанское. Вы были вся в белом. В тот день вы выходили замуж...

Она. Я вас не помню.

Пассажир. Я никогда не ездил в таких вагонах. Дороговато. Но других билетов не было. (*Берет со стола листок, который положила Женщина. Прочел.*) «Праздничная анкета». Позвольте посмотреть?

Она. Вы уже смотрите.

Пассажир. Страна увлекается анкетами. Есть все виды анкет, даже, оказывается, праздничные есть. (*Читает*) «Имя-отчество».

Она. Вы собираетесь отвечать?

Пассажир. Да. В ожидании проводницы. Отвечая на анкету, всегда хочется быть остроумным. А это исключает правду. Поэтому за себя я никогда не решился бы отвечать, а вот за вас...

Она. Вы много говорите.

Пассажир. Это у меня с детства. Итак, анкета: семейное положение... конечно, разведены.

Она. А это почему?

Пассажир. А это – у вас в глазах. Но даже не глядя в глаза, я бы все равно так подумал. Потому что вы вышли замуж за сверстника, даже хуже – за однокурсника. Эти браки непродолжительны... Но, вероятно, вы хотели встретить его в этом городе...

Она. Отчего же мне хотеть его встретить, если я с ним развелась, как вы говорите?

Пассажир. А это оттого, что без него вам не живется лучше... Но вы его не встретили и печальны.

Она. Вы ничего не знаете! Вы ничего... (*Успокоилась. Насмешливо.*) Я не могла хотеть его встретить хотя бы оттого, что он не знал, что я сюда приезжала.

Пассажир. Мало что он не знал... Он должен был почувствовать. Это потрясающая женская логика.

Она. Вы упоенно болтаете. И при этом с таким восхищением слушаете самого себя... Он не мог почувствовать это, потому что он живет на маленькой станции Клин. И я хочу спать.

Пассажир. Я будто слышу ваши семейные сцены. Это не предусмотрено в анкете, но я вам о них тоже расскажу.

Она (*яростно*). Вы не боитесь, что я вас возненавижу чуть раньше, чем вы уйдете в новое купе?

Пассажир. Что поделаешь?... Я по натуре – просветитель. Мне полагается терпеть. Дикие племена, например, обожали кушать своих просветителей. Интеллигентные люди поступают, конечно, иначе. Но тоже, знаете, не сахар... Позвольте мне рассказать про вас. Вы знаете, я не буду ждать проводницу, я сам удалюсь в поисках купе, как только ошибусь. В любом пункте. Вы позволите мне рассказать про вас? Это для меня важно. Итак...

Она. Хорошо, что вы сами просите и сами себе разрешаете.

Пассажир. Итак, брак однокурсников. Нет отношений мужчины и женщины, потому что нет тайны. Есть два приятеля: какой-нибудь Петя и какая-нибудь Валя. Они все знают друг о друге. Более того, они все время соревнуются. Они все время считаются, как положено сверстникам. И никто не хочет уступать. Это больше похоже на совместный турпоход, чем на брак. Кроме того, они молоды, и им кажется, что все это – временно, что самое прекрасное и самое главное у них еще впереди. И они полны ощущения несерьезности этого брака, и они не боятся его разрушать. Они – смелы.

Она. Вам придется уйти. Все это не так! Главное – это когда после его восторгов, после его жажды встреч она вдруг понимает, что он уже не рад ей. Она сидит, беременная, с глупым животом, и видит, что ему с ней скучно. Ему, который летел, который бросал все, чтобы быть с ней. И вот он с нею и не рад. И притом она все время чувствует, что он врет. И поэтому говорит с ней каким-то новым, лстивым, омерзительно ласковым голосом...

Пассажир. Вы даже сейчас считаетесь. А как же ему не врать. Его зовут приятели, или, наконец, ему просто нужно побыть одному. Это иногда необходимо – побыть одному. А нельзя, потому что он все время натывается на ее обиженный взгляд: «А может быть, ты хочешь уйти? Ну конечно, уходи. Ведь ты свободен». И дальше идут скандалы, и, чтобы уйти без скандалов, он врет ей, что уходит на работу. На работе он врет на случай, если она туда позвонит. Далее он врет... Он весь опутан этим враньем. И он все время попадаетеся. И умирает от унизости этой лжи, а она сходит с ума от подозрений. А дальше – быт. Быт,

где все преувеличено. Где все пахнет шекспировской драмой. Кухонной шекспировской драмой. Он всегда покупает не ту колбасу и забывает принести сыр. И когда она узнает об этом преступлении, она кричит в восторге обиды: «Единственно, что мне осталось в жизни, – это сыр. И ты, конечно, забыл его купить. Потому что ты помнишь только о себе...»

Она. Вы давно развелись?

Пассажир. Как и вы... тогда же.

Она. Зачем вы жили с ней, если все так плохо вспоминать?

Пассажир. Вспоминать об этом мне прекрасно. Как и вам. Есть прекрасная грусть в близко придвинутом прошлом.

Она. Я не так спросила. Зачем же вы жили с ней, если вам было так плохо?

Пассажир. Как и вы. Я ее любил.

Она. А что вы называете любить?

Пассажир. Это когда все время хочется плакать. Это очень страшно. Вот в мире существуют беды, огорчения, обиды и т. д. И вот все эти «неприятности» можно представить в виде одной равнодействующей – в виде одного длинного лезвия, направленного острием против нас. Люди нормальные обычно к нему боком стоят, чтобы обойти свои беды, не напороться. А вот она... та, которую любишь, к этому лезвию всем телом стоит. Глупая и нелепая. Во всяком случае, так тебе всегда кажется. Потому что когда человека любишь, кажется, что он не такой, как все, что он совсем беспомощный, что ему все время грозит опасность, и оттого вечером, после работы, всегда бежишь домой, и все время страх, что с ним что-то, что у тебя его отнимут... И однажды этот страх проходит. Это значит, что все кончилось. *(Шепотом)* Я, наверно, скоро буду бояться за вас.

Она. Вы идите.

Пассажир. Я очень скоро буду бояться за вас.

Она. Ну идите, идите.

Пассажир. Я уйду, а потом буду бежать по вагонам обратно. Я потеряю вас сегодня, я обязательно вас потеряю.

Скрип тормозов. Остановка поезда.

Она. Почему остановились?

Пассажир. Это маленькая станция Клин.

Она. Я не знала, что тут останавливается...

Пассажир. Знали. Вы так ждали эту маленькую станцию... Поднимите занавеску. Он там стоит. Он пришел. Он вас ждет. Он там! Он там! Клянусь! Он там!

Она вскакивает, поднимает занавеску и молча стоит у окна. Ее плечи вздрагивают.

Она... Не надо было так...

Пассажир положил руки ей на плечи.

(Жутко монотонно) Не трогайте меня. Я вас прошу... не надо... Я вас прошу. *(Зло, почти кричит)* Прошу!

Он убрал руки. Молчание. Поезд тронулся.

(Повернулась и засмеялась. Спокойно) Все, что вы рассказали, – это слишком просто. На самом деле все иначе.

Пассажир. А как?

Она. А вот этого я вам не скажу. Вы не поймете. А сейчас идите.

Пассажир. Куда?

Она. Я не знаю. Вы потом вернетесь. А пока идите. Пассажир. Мне с вами проститься?

Она молчит. Он уходит. Входит Проводница.

Проводница. Чай пить будем?

Она. Нет. Здесь едет товарищ, который просил его перевести в другое купе.

Проводница. Меня никто не просил.

Она. Значит, хотел попросить.

Проводница (*вдруг заулыбалась*). А я вас узнала. Я для вас кого хочешь переведу. А вы сейчас в каком кино снимаетесь?

Она. Название не придумали.

Проводница. А конец хороший? Я не люблю с плохим концом.

Она. Я тоже. Конец хороший. Спокойной ночи!

Проводница забирает вещи пассажир а, уходит.

Так... Теперь я все равно не засну. Раз, два, три, четыре... Сто белых слонов... Надо что-то придумать. (*Берет анкету. Читает*) «Самый страшный случай, произошедший с вами в детстве, в молодости, в зрелые годы»... Как стыдливо... «в зрелые годы». Самый страшный... Это когда меня привели в детский сад, и я увидела, что там все одинаково – тумбочки, кровати и дети. И тогда я впервые поняла, что такое «не дома». Я стала бунтовать.

Стук в дверь. Она молча сидит и смотрит перед собой. Снова сильный стук. Голос проводницы: «Чего расстучались? Люди отдыхать легли...» Голос пассажира: «Но я здесь нахожусь». Голос проводницы: «На четырнадцатом месте теперь находитесь... Люди нагулялись, уже спать легли, а вы все...» Голоса удаляются.

Он говорил неправду. Я забыла все плохое. Я помню только, что был рай. Это были ссоры – в раю. Мой первый, мой милый, мой мужчина, мой муж. Как все просто – во всем мире был человек, который был мой. А сейчас нет, вот и все... (*С усмешкой*). Не трогайте первых браков. Это браки детей. Их легко уничтожить. Дети все преувеличивают. Взрослые умеют прощать. Они знают, что все в мире объяснимо. И измены тоже. А для детей – это конец. Как правило – конец. Будьте милосердны! Не трогайте первых браков!

Когда ты ушел... У них у всех был чужой голос. Они были чужие. И я никак не могла понять, как можешь ты, если у нее чужой голос. Теперь я научилась. Я тоже теперь могу. Я стала взрослой. Я не заметила этих лет, потому что я все время ждала. Ждала, когда ты вернешься, когда все закончится. И я леглась спать и верила, что проснусь – и все будет как прежде.

Тихий стук в дверь. Снова стук.

Не надо стучать... Не надо стучать...

Голос проводницы: «Вам просили передать снотворное. Сказали, что без этого вы не заснете».

Затемнение.

Ее квартира. Она в халате. На полулежат чемоданы – она только что приехала. Звонок телефона. Во время разговоров по телефону ее собеседники могут быть видны, а могут быть просто слышны их голоса.

Она (взяла трубку). Да!

Мужской голос. С приездом! Я хотел подъехать на вокзал. Встретить. Но...

Она. Ага...

Мужчина. Как ты доехала? Что ты молчишь?

Она. Я не молчу.

Мужчина. Ты будешь сегодня на работе?

Она. Да, зайду на полчаса.

Мужчина. Значит, я тебя жду. До свиданья!

Она повесила трубку, подошла к зеркалу. Молча смотрит в зеркало. Снова звонок телефона.

Она. Это наверняка на целый час. (Взяла трубку.) Алло!

Голос подруги. Приехала?

Она. Да. (Усаживается поудобней.)

Подруга. Как ты жила?

Она. Жила.

Подруга. А вообще?

Она. Жила. Опять меня приняли за эту актрису. Подруга. Ты стала похожа на нее до неприличия. Она. Это разнообразит мою жизнь. Все-таки актриса, в кино снималась, а не какой-то там ученый. Ну, а как ты?

Подруга. Я бы сказала хорошо, но сегодня не первое апреля. Медаль-то носить можно?

Она. Она несколько похожа на консервную банку.

Подруга. А чего – на большой цепи.

Она. Как собачка с выставки.

Подруга. А я вчера вещала о тебе в «Последних известиях». Надо же, так странно... Шмотки-то какие-нибудь привезла?

Она. Да, зонт я тебе купила.

Подруга. Я не поэтому... Видала?

Она. Кого?

Подруга. Ну, хорошо, хорошо...

Она. Нет, не видала.

Подруга. А зонт кружевной?

Она. Да.

Подруга. Что ты молчишь?

Она. Обдумываю. Хорошо бы сейчас выспаться, но нет смысла – через два часа на работу. Хорошо бы сходить в магазин, но опять же нет смысла. Потому что как только я зайду в магазин, в нем, согласно моему везенью, окажется очередь в полтора километра. И я пойду в другой магазин. Но там очередь будет в два и семь десятых километра. Тогда я вернусь в первый магазин. Но там уже ничего не будет. Тогда я разозлюсь на себя...

Подруга. Поскули, поскули, старая калоша! Портнихе звонила?

Она. Никто не подходит. Это значит – портниха отбыла на дачу, и я сижу без платья до сентября.

Подруга. За что я тебя люблю? За оптимизм... Seriously, мне не нравится твое настроение. Я к тебе заскочу. Может быть, даже сегодня вечером. Ты куда-нибудь вечером...

Она. Никуда.

Подруга. А то мой чудесный, мой распрекрасный, кажется, выматывается в очередную командировку. И я от него отдохну неделю. В общем, при всех обстоятельствах – у меня в воскресенье выходной. Устроим девичник, без треклятых мужчин. Посплетничаем. Покупим. А ну их всех...

Она. Я люблю, когда ты ругаешься. *(Вдруг)* Пожалей меня.

Подруга. Пожалела.

Она *(засмеялась)*. Ну вот и получше стало. А то я все сама себя жалею. Можешь еще пожалеть?

Подруга. Еще пожалела.

Она. Ну вот и совсем хорошо. Подожди... *(Закурила)*

Подруга. Закурила! Сволочь! Закурила! Мало хрипишь, старая рваная калоша!.. Ну, рассказывай, рассказывай, чем ты занималась в столице?

Она. Ну, сначала я читала лекцию в Политехническом. Слушали о морском дне, прямо скажем, невнимательно. Дремали. Потом был прием в посольстве. Ну, это отдельный рассказ. Навесили на меня эту медаль. Потом подошел ко мне милый человечек. Он оказался из Дома ученых, проводил Праздничную анкету

Подруга. Красивый?

Она. Кто? А, нет, приятный...

Подруга. Симпатичный.

Она. Вот-вот. А анкета глупая до трогательности... Ну, например, ваш любимый герой. Оказывается, у меня сейчас такового нет. Вот кто твой любимый герой?

Подруга. Василий Теркин. И еще Садко – богатый гость.

Она. «Какие качества вы больше всего цените в людях?» Опять не могу ответить. Это кошмар какой-то. И так ни на один вопрос. Потом я ехала в поезде и все думала: «Ну это же черт знает что такое!» Ведь раньше у меня были любимые герои: Айвенго, например, Пиквик. Раньше я задумывалась... А сейчас, весь этот последний год... Он как-то совершенно меня выбил. Ты пожалела меня?

Подруга. Пожалела, пожалела.

Она. Ты только успевай жалеть.

Подруга. Хорошо, хорошо. Я за этим слежу.

Она. Понимаешь, я поглупела с возрастом. Годы идут, и абсолютно нет никакого ощущения повзросления. Внутри мне по-прежнему десять лет. Но если бы это все на морде было видно. Был бы в этом какой-то толк. А то выглядишь на все свои, а внутри – дитя. Это ужас какой-то!

Подруга. И что же было в поезде дальше?

Она *(засмеялась)*. Встретила очень забавного человека. Чудный, великолепный человек.

Подруга. Я так и знала. Голос у тебя нехорошо вибрирует. Ну и что же?! Что?!

Она. А вот этого я тебе не скажу. *(Засмеялась)*. Ничего!..

Подруга. Мне бы твой темперамент. Я бы горя не знала. Калоша, ты – романтик! Но влюбляться тебе не надо. Ты – не модная женщина. В этом году в моде женщина-подросток, с узкими бедрами, хилой спиной и маленькой грудью... Я тебя за это тоже пожалела. *(Вдруг закричала)*. Старая, рваная, глупая калоша! Я на днях читала на радио статью «Женщина на работе и дома». Это двое мужчин, которым нечего делать, провели исследование: один – в Ленинграде, другой – в Польше. И там разные любопытные цифирки...

Она. Это ты к моему приезду готовила?

Подруга. Отстань. Главный вопрос к бедным женщинам: «С чем вы связываете свое участие в общественном труде?» Тринадцать процентов ответили просто: «Хотим быть в коллективе». Это значит – просто хотят болтать на работе. Это – я. Семнадцать процентов хотят иметь материальную независимость от мужа. Это тоже я. Потом еще какие-то там разные проценты. А вот любят работу как таковую – менее одного процента. И вот ты, которая любишь работу как таковую. Ты, счастливая калоша, гневаешь Бога плохим настроением. Да плюнь ты на все: «Медаль, квартира, морда в порядке». Если бы у меня была своя квартира, я никогда бы не вышла замуж, жила бы одна. Посуду мыть не надо...

Она. Одной жить трудно. Когда живешь с матерью или с мужем, есть кого обвинять в своих неудачах. Это большое преимущество, поверь. Ну, ладно, я уже радостная. Пока!..

Подруга. Да! Что я тебе звоню? Совсем забыла. Продаются чудесные австрийские сапожки: две пары. Ты богатая, лауреат. Купи себе, если захочешь.

Она. Я не захочу. Мне в деревню надо деньги посылать. Я письмо получила: венцы хотят к осени сменить, племянник в первый класс идет. Затем Евдокия замуж собралась – зубы починить надо. Они мне такое прекрасное письмо написали: «Слыхали, что вы уезжаете по заграницу». Это как по воду.

Подруга. Жаль. Таких сапог больше не будет.

Она. Сколько тебе нужно денег, я могу заложить песка.

Подруга. При чем тут я? Я объеду всех знакомых – соберу как-нибудь. Я хотела для тебя к осени.

Она. А! Ну ладно, я опаздываю на работу.

Подруга. Значит, договариваемся на девичник в воскресенье... Позови Галку, Жанку... Часиков на шесть?

Она. Только не надо никаких часиков. Я хочу хотя бы в воскресенье никуда не спешить. *(Вешает трубку)* Начнем становиться красивой. *(Усаживается у зеркала)*

Звонок.

Да.

Мужской голос. Слушай, мы как-то плохо поговорили.

Она. Почему?

Мужчина. Не знаю. Ну ладно. Ты когда придешь на работу?

Она. К двенадцати.

Мужчина. Только не опаздывай. А то ты все время опаздываешь. *(Шутливо)* Почему ты так опаздываешь?

Она. Это, наверно, потому, что мне не так хочется тебя видеть.

Мужчина. Ну хорошо, хорошо... Поговорим.

Гудки в трубке.

Она. Он предпочел это не услышать. Поразительно. Я не хочу с ним видиться, потому что чувствую, что он со мной не так уж хочет видиться. Но он звонит, а я иду... Или вот сейчас, мне не хотелось с ней разговаривать. Мне отвратительно, когда она называет меня «старой калошей». Мне не хочется устраивать девичник. Но я это сделаю. Это все оттого, что я не так живу. Раньше я была свободной и дерзкой, я начинала. От меня никто не ждал свершений, радость дебютантки. Теперь от меня ждут. Страх ответственности. Я уже не думаю о работе. Я думаю только о том, что обо мне скажут в связи с этой работой. Я не свободна... Я все переменю. Я клянусь! Все переменю. Боже, до чего потолстела! Все худею, худею и опять потолстела. Так... Попрыгаем... Попрыгаем... *(Начинает делать гимнастику?)*

Попрыгаем... попрыгаем... *(Бьют часы. Она останавливается. После паузы)* Чудовищно. Прошел целый час в этой глупой трескотне по телефону. В этих идиотских мыслях – прошел целый час. И вот все эти пустяки, болтовня и есть течение моей жизни. Единственной и невозвратной жизни, которой больше не будет. *(Вдруг протяжно)* Так не-ль-зя!..

Затемнение.

Ее работа. Кабинет. В кабинете Мужчина, с которым она говорила по телефону. Это ее начальник, у него в кабинете сидит его Друг.

Входит Она.

Мужчина. А, садитесь, Ирина Николаевна. Присаживайтесь. *(Другу)* Знакомься. Это – наша гордость, наш лауреат. Шведская академия. Премия Нордстона. Без поллитры не выговоришь. А это мой дружок с Крайнего Севера. Учились вместе. Зовут Димитрий. Именно Димитрий, потому что мягок и женолюбив... *(Другу)* Прости, прости! Итак, Димитрий и просто Ирина. Мы еще можем себе это позволить.

Она смеется.

Да, Димитрий, вот такие дела!.. Премии за исследование морского дна получаем, а морепродуктами, или, по-народному, рыбой... страну обеспечить все не можем. Наука... сложная жидкость.

Она опять смеется. Наступает молчание. Молчание становится неловким.

Друг Димитрий. Да... А я хотел тебя спросить, где же сейчас Копылов?

Мужчина. Копылов у Сергеева.

Друг Димитрий. Главным?

Мужчина. Главным.

Снова молчание. Пауза.

Друг Димитрий. А Фролкин?

Мужчина. Фролкин у Сапожникова.

Друг Димитрий. Заом?

Мужчина. Заом.

Друг Димитрий. Ну так. Я, пожалуй, пойду.

Мужчина. Что ты, еще посиди. *(Быстро, не дожидаясь ответа.)* Значит, до завтра! Все, как договорились, в семь на площади Пушкина, у остановки.

Друг Димитрий. Железно!

Мужчина. Может, все-таки еще посидишь? *(Нажал кнопку.)* Ты в какие края?

Вошла Секретарша.

Пусть отвезут товарища. Ну бывай!

Друг уходит. Секретарша – за ним. Пауза. Секретарша возвращается.

(Секретарше, стараясь весело.) Мы здесь с Ириной Николаевной разговоры будем разговаривать. Они у нас не такие уж важные. Так что, если кто ко мне по делу, милости прошу.

Секретарша уходит. Молчание.

Мы как-то нехорошо говорили по телефону. Я так рад тебя видеть. Ты чудно выглядишь.

Она. Ты говоришь об этом так удивленно, будто мне семьдесят лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.